

УДК 347

ББК 67.404

Эффективность правового регулирования: рамки культурных кодов и цивилизационных ценностей

С.А. Трахимёнок

Институт национальной безопасности Республики Беларусь
(Минск, Беларусь)

Efficiency of Legal Regulation: the Framework of Cultural Codes and Civilizational Values

S.A. Trakhimenok

Institute of the National Security of the Republic of Belarus
(Minsk, Belarus)

Рассматриваются проблемы достижения целей правового регулирования и влияния на данный процесс не только правосознания участников правоотношений, но и цивилизационных ценностей, ориентиров их квинтэссенций в виде культурных кодов. Анализируется эффективность правового регулирования с учетом национально-культурной и цивилизационной специфики того или иного народа, изучается влияние на эффективность права особенностей национального правосознания и мировоззрения. Фактором, препятствующим достижению целей правового регулирования, которые ставил перед собой законодатель, является правовая психология. Содержание правовой идеологии обуславливается уровнем социально-экономического развития, авторитетом систем государственной власти, социальной структурой общества и национальными традициями. В идеале процесс правотворчества должен содержать стадию контроля за эффективностью применения правовых норм, цель которой заключается в оценке степени достижения результатов правового регулирования. Данная стадия должна побуждать законодателя к совершенствованию нормы, если цели правового регулирования по тем или иным причинам не достигаются.

Ключевые слова: правовое регулирование, эффективность права, духовно-культурологический подход, ценности в праве.

DOI 10.14258/izvasu(2018)3-05

В арсенале социологии права имеется ряд методов и методик, с помощью которых можно осуществлять контроль за результатами правового ре-

The article considers the problems of achieving the objectives of legal regulation and the impact on this process of not only the legal awareness of the participants of legal relations, but also civilizational values, reference points of their quintessentials in the form of cultural codes. The analysis is given to the effectiveness of legal regulation, taking into account the national-cultural and civilizational specifics of particular people; the influence of the features of national sense of justice and worldview on the effectiveness of the law. The factor hindering the achievement of the objectives of the right regulation, which the legislators set for themselves, is legal psychology. The content of legal ideology is determined by the level of socio-economic development; the authority of the systems of state power, the social structure and national traditions. Ideally, the process of lawmaking should contain a stage of monitoring the effectiveness of the application of legal norms, the purpose of which is to assess the extent to which the results of legal regulation have been achieved. This stage should encourage the legislator to improve the norm, if the objectives of legal regulation for one reason or another have not been achieved.

Keywords: legal regulation, effectiveness of law, spiritual and cultural approach, values in law.

гулирования. К таковым, в частности, относятся наблюдение, опрос, выборочное обследование, социологические эксперименты и, конечно, контент-

анализ — метод, предполагающий извлечение социологической информации из документальных источников и последующий ее анализ.

И здесь не столь важно, какие источники исследуются, и если вместо документов на бумажных носителях взять в качестве объектов исследования ряд криминальных сериалов, снятых кинематографистами нашей соседки России за последние 15 лет, то можно прийти к любопытным выводам.

На экранах телевизоров часто повторяется сериал «Глухарь», в котором герой, следователь милиции, постоянно нарушает закон: берет взятки, злоупотребляет служебным положением, в служебное время занимается решением личных проблем. Однако зрители продолжают любить и сериал, и его героя.

Этот феномен можно было бы объяснить привлекательностью главного героя, так же как это было ранее с фильмом «Место встречи изменить нельзя», где обаяние актера В. Высоцкого полностью заслонило нарушения законности его персонажем. Но кроме привлекательности персонажа в данном случае начинают работать и другие механизмы.

Зрители видят, что сотрудники милиции такие же люди, как и они, и живут от зарплаты до зарплаты. Закон не дает им возможности быстро и эффективно наказать преступников, и они вынуждены бороться с преступностью, «сдавая» преступников другим преступникам и таким образом реализуя лагерный афоризм 1950-х гг. «вор вора бьет — сокращает преступность».

Создается впечатление, что все правовое регулирование, в том числе и в сфере противодействия преступности, существует в некоем идеальном обществе, а в обществе реальном его попросту нет. И все нормы, принимаемые думами, большими и маленькими, палатами верхними и нижними, принимаются для того, чтобы тешить этим самих разработчиков, а в реальной жизни все происходит иначе.

Феномен этот носит название недействия или частичного действия права. И относится к одному из аспектов эффективности правового регулирования.

Как ни странно, но проблеме эффективности правового регулирования в настоящее время не уделяется не то что должного, а вообще никакого внимания. Последней работой на эту тему на всем постсоветском пространстве значится статья В.В. Кузнецова «Понятие эффективности правовой нормы» [1, с. 88–89], написанная в 1977 г. В ней автор определяет эффективность как «реальную возможность наступления положительных результатов при регулировании нормой общественных отношений». Причем автор не согласен с точкой зрения ряда ученых, в частности О.В. Смирнова [2, с. 30], о том, что таковыми могут быть последствия регулирования отношений

правовой нормой, поскольку они «социальная действительность, но не сама норма».

Для иллюстрации своих выводов автор приводит пример с двумя вариантами правового регулирования транспортировки скота на Слонимском мясокомбинате. С позиций экономии средств выгодным является транспортировка животных специализированными машинами мясокомбината, что уменьшает затраты на перевозку на 44% по сравнению с перевозкой транспортными средствами производителей продукции животноводства.

Разумеется, теоретически, исходя из «возможности наступления положительных результатов», можно рассчитать эффективность правовой нормы. Но это в том случае, если мы имеем дело с количественными показателями, которые, ко всему, могут быть проявлены в денежном выражении. А как быть, если таких эквивалентов нет и не может быть? Иной расчет возможен только при отслеживании последствий правового регулирования и последующей коррекции (совершенствования) нормы. Однако в процедуре принятия нормативных актов такие расчеты не заложены (ст. 7, 47–49 Закона «О нормативных правовых актах») [3].

В связи с этим следует обратить внимание на то, что с тех времен, когда государство начало пользоваться правом для регулирования общественных отношений, оно стало ограничивать мотивационную сферу человека, заставляя его действовать в рамках правовых предписаний.

Но при этом выяснилось, что сама норма права, предписывая тот или иной вариант поведения, никоим образом не воздействует на выбор этого варианта поведения субъектом правоотношений. Выбор определяет отношение к данной норме конкретного субъекта права. А это отношение формируется задолго до того, как человек узнает, что такое право.

В данном случае возникает вопрос, какие факторы социальной среды формируют это отношение и способствуют или препятствуют достижению целей правового регулирования? Что должен соблюдать законодатель при издании законов, чтобы его предписания не остались на бумаге? То есть что должен законодатель принимать в расчет, утверждая ту или иную норму.

Здесь становится понятным, почему проблема эффективности правовых предписаний и их критериев (Злобин Г.А., Наташев А.Е. [4, с. 58]. Мамутов В.К., Знаменский Г.А. [5, с. 30], Пашков А.С., Чечот Д.М. [6, с. 3] и др.) исследовалась в 70-е гг. прошлого века. Впрочем, это неудивительно. Именно на это время выпало окончательное формирование советской системы права, после которого оно было сначала дискредитировано в глазах социума и элит, а затем разрушено. Новое право стало формироваться в условиях совершенно иной по ценностям парадигмы

общественного развития. Причем процесс этот осуществляется на основе теоретических конструкций, или, иначе, конструкций правовой идеологии, идеи которой чаще всего возникали на совершенно иной цивилизационной почве и привносились в советское и постсоветское пространство в процессе так называемой цивилизационной конкуренции. Поскольку указанные идеи брались в западных цивилизациях, то и процесс этот получил название вестернизации. Начался он в период так называемой перестройки, а закончился спустя десять лет после развала СССР. Правда, указанный отрезок времени характеризует пик данного явления, поскольку до конца оно не изжито и, наверное, исчезнет только после очередной смены элит и парадигмы общественного развития либо его существенной корректировки.

Фактором, препятствующим достижению целей правового регулирования, которые ставил перед собой законодатель, являются фактор правовой психологии.

Здесь следует отметить, что правовая психология — явление гораздо более сложное, чем правовая идеология. Последняя формируется чаще всего в рамках юридических научных дисциплин и постоянно транслируется одним поколением юристов другому в стенах высших учебных заведений и в рамках научных школ, адепты которых более 30 лет назад без должной критики восприняли многие идеи, и прежде всего правовые.

Содержание правовой идеологии обуславливается уровнем социально-экономического развития, авторитетом систем государственной власти, социальной структурой общества и национальными традициями. Но структура ее все же более однородна по сравнению с правовой психологией, поскольку идеологию чаще всего определяют формы коллективного сознания, а правовую психологию — индивидуального: явления более разнородного, включающего в себя чувства, оценки, переживания по поводу права и всего, что связано со сферой правового регулирования. Кроме того, причиной столь сложной структуры может быть и то, что правовая психология возникает не в рамках деятельности научных школ, а вследствие воздействия условий повседневной жизни, и реакции конкретного человека объясняются не только его индивидуальными психоэмоциональными свойствами, но и воздействием мнения окружения.

В идеале процесс правотворчества должен содержать стадию контроля за эффективностью применения правовых норм, цель которой заключается в оценке степени достижения результатов правового регулирования. Данная стадия должна побуждать законодателя к совершенствованию нормы, если цели правового регулирования по тем или иным причинам не достигаются.

Общеизвестно, что право реализуется тогда, когда требования правовых норм воплощаются в общественных отношениях.

Реализация правовых норм — это такое поведение субъектов права, которое полностью согласуется с предписаниями правовых норм и исходит из них, т.е. представляет собой практическую деятельность по приобретению, использованию прав и выполнению юридических обязанностей. Реализация права составляет непосредственный результат правового регулирования, конкретное его проявление. А сам результат, на наш взгляд, может проявиться только:

— после реального доведения правовых норм и предписаний до сведения субъектов правоотношений;

— наличия в правовых нормах социально полезных целей;

— культивирования правом социально полезных образцов поведения, выгодных всему обществу, а не только определенным его слоям,

— социально-правового контроля.

А вот здесь следует отметить, что перечисленные условия — только поверхность феномена правосознания. Ведь оно формируется еще и на фоне так называемых высших социокультурных ценностей, которые можно назвать цивилизационными и которые оказывают влияние на все социальные феномены общества, и конечно же, на правовое регулирование.

Отсюда, если в основу правового регулирования положены умозрительные конструкции, не стоящие на основополагающих социокультурных ценностях, ждать их реализации в жизни не представляется возможным.

Когда-то Арнольд Тойнби в своем труде «Постижение истории» описал 21 локальную цивилизацию, из которых на Земле осталось только 10.

По Тойнби, сумели сохранить себя те, кто:

а) приспособился к условиям среды существования;

б) отчасти приспособил среду к своим потребностям;

в) создал идеологии в форме религиозных или философских систем, которые определяли отношение представителей определенной цивилизации к Создателю, Природе и Обществу (другим людям);

г) сформировал меньшинство (элиты), которые способны осмыслить и адекватно отреагировать на вызовы природного мира и человеческой среды [7, с. 67].

Существующая классификация современных цивилизаций, их деление на западноевропейскую, североамериканскую, мусульманскую, восточно-европейскую, конфуцианскую и др. не выдерживает критики, поскольку составлена с нарушением законов логики. Ошибкой здесь является деление по разным основаниям. Если же мы возьмем одно осно-

вание, например религиозно-мировоззренческие системы, получим иную классификацию: католико-протестантскую, протестантскую, православную, конфуцианскую, мусульманскую и др.

Однако можно пойти дальше и, выделив квинтэссенции ценностей, получить всего три группы локальных цивилизаций: цивилизации Выгоды (католико-протестантские, классического протестантизма и их анклавы), цивилизации Долга (мусульманские, конфуцианские, индуистские) и цивилизация Правды или Справедливости (православная).

В прошлом году в России много внимания было уделено круглой дате — 100-летию Октябрьской революции. Как обычно, и справа, и слева, и с либеральных позиций было много оценок данного исторического феномена. Диапазон их простирался от «Великой Октябрьской» до «октябрьского переворота». Но никто из исследователей так и не приблизился к причинам, породившим данный феномен. А ведь он прост: вступив на путь капитализма после реформ 1860-х гг., Россия к началу 1880-х уже была капиталистической страной и частью мирового капиталистического хозяйства. Однако 30 лет последующего развития, ориентированного на чуждые данному пространству цивилизационные ценности, привели к тому, что правящие элиты России потеряли способность адекватно оценивать обстановку, что породило неспособность ответа на цивилизационные вызовы; частью их были технологические, связанные с очередной технологической революцией, аспектами которой были электрификация, химизация и индустриализация.

Революцию подержало большинство населения России не потому, что оно хотело лучшей жизни в тех формах, которые были близки и понятны тогдашнему истеблишменту, а потому, что оно стремилось не столько к благополучной жизни, сколько к справедливому, в соответствии с высшими цивилизационными ценностями, жизнеустройству общества.

Если вспомнить А. Панарина — он к культурным кодам народов, населяющих данное пространство, относил непонятный для Запада иррационализм и чувство справедливости. И первое, и второе непонятно прежде всего представителям цивилизации Выгоды, поскольку вопреки некой логике заставляет дружить со слабыми, поддерживать их и бросать перчатку сильным [8, с. 45].

Подводя итог сказанному, законодатель, стремясь урегулировать общественные отношения, должен учитывать:

— особенности социальной среды, в частности факторы, находящиеся вне правового регулирования, но являющиеся окружением отношений, урегулированных правом;

— социальные факторы, органически включенные в сам процесс правового регулирования.

Право в данном случае рассматривается как подсистема более широкой системы — системы социального управления. Следовательно, процесс правового воздействия проходит те же этапы, что и любой управленческий цикл:

постановка целей,
формулирование задач,
достижение результата.

Оценку достижения цели, т.е. получения определенного результата, позволяют осуществить средства контроля. Он должен осуществляться на протяжении всего времени реализации решения.

После определения степени эффективности решения вырабатываются рекомендации, направленные на его совершенствование, корректирование.

Принимая во внимание, что фундаментальной основой эффективности правового регулирования или достижения целей является система ценностей, присущих коллективному представителю определенной цивилизации, не следует упускать из внимания и индивидуальный аспект, который лежит в рамках психологии конкретных индивидов, являющихся субъектами правовых отношений.

Здесь следует получить ответ, каким образом право влияет на формирование таких мотивов поведения, которые бы обеспечили соответствие поступков личности моделям предписываемого или дозволяемого поведения, установленным соответствующими правовыми нормами [9, с. 38].

Практика свидетельствует, что обеспечение пассивных форм поведения (воздержание от определенных действий) достигается главным образом стимулированием сдерживающих мотивов.

Обеспечение активных форм поведения (совершение положительных действий) достигается стимулированием побудительных мотивов.

Ряд ученых, в частности И.С. Бурикова, А.И. Юрьев, Е.В. Тимошина, полагают, и с этим трудно не согласиться, что «сфера государственного правового регулирования не является областью, где позволительно действовать методом проб и ошибок, постоянно заменяя „неудачные“ законы теми, которые лишь могут показаться более удачными» [10].

И хотя указанные авторы не делают вывода, он напрашивается сам собой: постоянная корректировка законов снижает авторитет государства и права в глазах граждан.

Каков же выход из данной ситуации?

Не торопиться с правовыми вариантами регулирования. Не начинать закрепление той или иной группы общественных отношений до тех пор, пока они окончательно не сложатся.

И самое главное — учитывать основу, на которой осуществляется нормативное регулирование вообще и правовое в частности, т.е. систему культурных кодов и цивилизационных ценностей.

Библиографический список

1. Кузнецов В.В. Понятие эффективности правовой нормы // Правовое регулирование общественных отношений : матер. науч. конф. — М., 1977.
2. Смирнов О.В. Эффективность правового регулирования организации труда на предприятии. М., 1968.
3. Закон Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» от 10 января 2000 года с последующими изменениями дополнениями // Эталон Беларуси : Национальный центр правовой информации.
4. Злобин Г.А., Наташев А.Е. Об изучении эффективности уголовного наказания в связи с задачей ликвидации преступности в СССР // Проблемы советского права в период развернутого строительства коммунизма : матер. науч. конф. — Л., 1963.
5. Мамутов В.К., Знаменский Г.А. Эффективность экономических санкций в управлении производством // Хозяйственно-правовые проблемы управления промышленностью. — Донецк, 1972.
6. Пашков А.С., Чечот Д.М. Эффективность правового регулирования и методы его выявления // Советское государство и право. — 1965. — № 8.
7. Тойнби А. Дж. Исследование истории: Цивилизации во времени и пространстве. — М., 2011.
8. Синюков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. — 2-е изд., доп. — М., 2014.
9. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. — М., 1966.
10. Бурикова И.С., Юрьев А.И., Тимошина Е.В. Психологические проблемы эффективности действия права [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.cspdom.ru/public-analit/ppsychology psy-factors /82— law -of->.